

ОБ ИСТОКАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НАШЕГО НАРОДА

Оганесян С.С.*

Вданной статье предпринята попытка определить некоторые причины, повлиявшие на низкое правовое сознание граждан нашей страны и на их, мягко выражаясь, снисходительное отношение к закону, как способу регулирования общественных отношений.

Выводы, к которым мы пришли, надеемся, помогут наметить пути решения проблем, связанных с укреплением правопорядка и законности в стране.

Как уже говорилось в ранее опубликованной авторской статье [1], законы внедрялись в сознание и быт народов тремя основными способами (путями) в отличие от обычаев, которые формируются и передаются от поколения к поколению и складываются в определённую систему десятилетиями и даже столетиями.

Во-первых, законы могут разрабатываться и приниматься самими членами сообщества, путём договора между собой. Как это было, например, в Великом Риме, а также в некоторых других государствах древнего мира. Сегодня этот способ является одним из самых распространённых.

Во-вторых, законы могут вводить вожди (предводители, императоры и т.д.) и требовать их неукоснительного исполнения. Как, например, в Древнем Китае.

Третий способ: законы могут быть представлены, как ниспосланные от Бога, т.е. без непосредственного участия людей. Именно таковыми являются законы, изложенные в Священных Писаниях, в частности, Торе, Новом Завете и Коране.

Хотя в упомянутой статье уже были рассмотрены преимущества и недостатки каждого из названных способов формирования правосознания и выработки устойчивых навыков законопослушания, как особого ментального состояния, тем не менее, кратко напомним некоторые наиболее важные из них.

Уязвимость и слабость первого и второго путей заключается в том, что если законы предлагаются людьми, то их всегда могут изменить или вовсе отменить сами же

люди. Например, в угоду интересам лиц или кланов более влиятельных, чем остальные члены сообщества. А это неминуемо приводит к известному обесцениванию понятия закона в сознании тех, кто обязан его исполнять, поскольку при одном правителе может быть принята одна норма, при другом – другая. Сегодня от человека могут требовать соблюдение одного закона, завтра – прямо противоположного. Кроме того, всегда остаётся надежда, перехитрив судей и обвинителей, избежать наказания, или переселиться в другие страны, где существуют другие законы и другие порядки. Всё это не только формирует отношение к закону, как к явлению преходящему, изменчивому, нестабильному, но и отнюдь не строго обязательному, которое, приложив определённые усилия и смекалку, можно обойти.

Кроме того, человеческий закон, как правило, персонафицирован и поэтому его нередко связывают с именем того или иного человека (вождя, правителя, князя, царя, императора и т. д.). Примеров этому в истории, как человечества, так и нашей страны, великое множество. Достаточно напомнить недавний исторический факт, связанный с тем, что одному и тому же поколению людей, рождённых в России, пришлось не только жить при двух совершенно разных по идеологическим основам Конституциях, но и пересматривать своё отношение ко всему корпусу законов, predeterminedных Основным Законом. При этом Конституцию СССР, принятую в 1936 году, народ прочно связывает с именем Сталина, а Конституцию России 1993 года называет ельцинской.

Иное дело законы, ниспосланные Богом. К их созданию люди никакого отношения не имеют. Они отчуждены от них и представлены в качестве безальтернативной нормы, которую необходимо принять, как данность, не зависящую от желаний, страстей и устремлений отдельных личностей, групп людей или народов (семей, родов, кланов, этносов), и подлежащую безоговорочно исполнению. Ибо никто, кроме всемогущего и всевышнего Бога, не в силах ни изменить, ни отменить ниспосланный Им закон.

Как известно, именно Тора приучала народ жить не по собственному разумению, а по строгим нормам письменно зафиксированных законов. Каждый израильтянин должен был осознать, что вне зависимости от его наме-

* Оганесян Сергей Саядович – доктор педагогических наук, профессор, государственный советник РФ 1 класса, член экспертного совета Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций.

рений, страстей и желаний существуют законы бытия, которые установлены Творцом вселенной, от которого зависит и жизнь, и смерть человека. Поэтому все характеристики и деяния Всевышнего представлены в Писаниях таким образом, чтобы исключить малейшее сомнение в Его всемогуществе, вечности, вездесущности, всезнании и, следовательно, в неотвратимости наказания в случае неповиновения Его воле.

Так, поскольку Единый Бог, будучи невидимым и всезнающим, способен находиться одновременно всюду и знать все мысли и чувства каждого и всех, то никому невозможно скрыться от исполнения ниспосланного Им закона ни в каком уголке земли или перехитрить Его. Поскольку Единый Бог вечен и у Него «нет забывчивости», то человеку, преступившему закон, не избежать возмездия, которое всегда настигнет его. Поскольку Единый Бог ни в чём не испытывает нужды, нелюбим и «мзды не берёт» (Тора, Дварим 10 Экв; 12–18), то Его невозможно задобрить никакими дарами и приношениями. Он равно судит всех представителей человеческого рода вне зависимости от их прежних заслуг, социального статуса, материального положения, возраста, пола, языка, цвета кожи, разреза глаз и т. д. Поскольку Бог является Творцом и Властителем всех стихий и явлений природы, то Он не только Сам карает людей, преступивших Его законы, всевозможными стихийными бедствиями, начиная от землетрясений, наводнений, лютых морозов и нестерпимой жары и кончая ураганами, смерчами и эпидемиями, но и возлагает часть функций исполнения наказаний на самих людей, ниспосылая им через Писания законы, предусматривающие соответствующую меру наказания за совершённое преступление (говоря словами Писаний, «беззаконие» или греховное деяние).

При этом, согласно всем трём Писаниям, главным условием получения милости от Единого Бога, Который ни с кем не делит ни Своей власти, ни Своего Суда, является исполнение ниспосланных Им норм и правил. И в этом заключается одно из принципиальных мировоззренческих отличий веры в Единого Бога, проповедуемого Торой, Новым Заветом и Кораном, от языческого мировосприятия. Поскольку язычество допускало с помощью даров, приношений и жертв умилостивлять всех и всяческих богов и духов, а также олицетворяющих их идолов и истуканов, испрашивая у них соизволения на деяния, угодные лично самому человеку. Поэтому, отнюдь не случайно, Тору иначе называют «Законом» или «Моисеевым законом». Новый Завет Бога с людьми, переданный через Иисуса, назван «Законом Божьим». А Коран называет себя судебником, ниспосланный арабам, а также всем тем, «которых он достигнет» (Сура 13:37).

Разумеется, единобожие преследовало не только цель внедрить в сознание людей понятие социального закона и сформировать у них законопослушание, оно давало им мировосприятие, которое позволяло приобрести одно из самых продуктивных для того периода времени форм государственного управления – единовластие, а также соответствующее ему законодательство. Ибо, как известно, государство немислимо без обслуживающего его права. Право же, которое было ниспослано Единым

Богом, было предназначено именно для установления единовластия в государстве.

Однако Бог утверждал не всевластие одной личности, которая руководствуется своими личными страстями, желаниями и амбициями, а власть личности в строгих рамках ниспосланных свыше норм и правил взаимоотношения с людьми и с окружающим миром. Идеологическая формула, представленная во всех трёх Писаниях, проста и надёжна: поскольку Единый Бог единолично управляет всем Мирозданием, то единое государство должно иметь единого правителя, а народы, входящее в это государство, обязаны иметь единые законы, ниспосланные истинным Единым Богом.

При этом ни человеку, ни народам Писания не дают никакой альтернативы между «благословением и проклятием» Бога, и, соответственно, между «жизнью и смертью», ибо те лица и те народы, которые не подчиняются воле Бога, обречены на гибель, на истребление, на вымирание (Дварим 11 Ръэ; 26–28; Дварим 28 Таво; 58–68; Мф. 7:19; 8:12; 10:12–15; Мк. 10:17–27; Ин. 8:42–51; Сура 1:1–7; Сура 2:1–7 и др.).

Широко известно, однако, что, хотя Иисус проповедовал законопослушание и правопорядок, Он, однако, не предложил народам ни одного конкретного закона, предоставив им возможность самостоятельно разработать все необходимые для жизнедеятельности правовые акты. Более того, Иисус не подверг сомнению основной корпус законов, переданных народу Якова-Израиля через Моисея. Он лишь предостерег соплеменников от буквального и формального соблюдения всего того, чтобы было ниспослано через Тору, ибо время предъявляло свои требования к тому, что было ниспослано тысячелетия назад. Христос не только прямо сказал Иудеям: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон и пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота, ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё» (Мф. 5:17,18). Но Он упрекнул духовных наставников народа за то, что они, распознавая приметы, связанные с переменами погоды, не могут увидеть и принять время перемен в жизни народа (Мф. 1:1–4).

Но, заметим, что это высказывание Иисуса, во-первых, предназначалось сугубо сынам Израиля, которые, в отличие от других народов, имели законодательную систему, данную Богом. Именно её Иисусу надлежало «исполнить», а не «нарушить». Во-вторых, Иисус, действительно, не отменил законов Торы, а лишь предоставил «избранному народу» право приспособить некоторую их часть к велениям нового времени. В-третьих, Иисус предложил не бездумно и слепо следовать букве «Моисеева Закона», а самостоятельно совершенствовать его в соответствии с идеологией Нового Завета Бога с людьми.

Кстати сказать, Коран полностью подтверждает предназначение Иисуса внести соответствующие духу нового времени изменения в мировоззренческие и законодательные основы Торы. В частности, Коран приводит следующие слова Иисуса к Иудеям: «Я к вам (пришёл), чтоб истину Закона (Торы) утвердить, что до меня был вам ниспослан, и разрешить вам часть того, что ранее запретным было...» (Сура 3:50).

О том, что Иисус предоставил людям возможность быть служителями не буквы, а духа ниспосланного права специально пишет апостол Павел во втором Послании к коринфянам, утверждая, что «буква убивает, а дух животворит» (Кор. 3: 3-8).

Однако не будем забывать, что Иисус должен был изменить ментальность не только потомков Якова-Израиля, но и язычников. Это были народы, которые, с точки зрения Священных Писаний, к моменту прихода Иисуса Христа, вышли на тот исторический рубеж своего существования, который требовал или принятия единобожия или обречения себя на гибель и исчезновение с исторической арены как самостоятельного этноса. Коран более чем ясно передаёт эту мысль словами: «Назначен всякому народу свой предел, и вот когда предел сей подойдёт, они не смогут ни на час ни отдалить его и ни ускорить...» (Сура 7:34-36).

Поэтому столь привлекательными для правителей, стремившихся к укреплению личной власти в государстве, стали требования единобожия быть покорными, говоря современным языком, имеющейся структуре управления государством. Так, Иисус учил отдавать «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), в верные Ему апостолы проповедовали, чтобы «всякая душа» была покорна высшим властям, «ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение <...> отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13:1-7).

Каждый народ, созревший для принятия единобожия, а также потенциально готовый к построению суверенного государства, мог разработать собственное законодательство в рамках данной Иисусом идеологии.

И в этом состояло не только принципиальное отличие Нового Завета от Торы и Корана, которые изначально регламентировали все стороны жизни народов, принявших единобожие, но и величайшее предназначение Иисуса Христа, Который, во-первых, разорвал круг «избранности» одного народа и сделал единобожие достоянием многих. Во-вторых, предоставил возможность иметь не единую для всего человечества правовую систему, а их разнообразие со всеми вытекающими отсюда последствиями для самостоятельной разработки законодательных актов и создания суверенных государств. В-третьих, что не менее важно, создал предпосылки для активизации самостоятельной мыслительной деятельности людей, как в правовой, так, затем, и во всех иных сферах жизнедеятельности.

Отсюда вполне закономерно, что при одних и тех же текстах книг Нового Завета каждый народ не только по-своему толковал основные постулаты веры и разрабатывал собственные обряды поклонения Единому Богу, но и претендовал на исключительную правильность своего понимания сущностей «Отца Небесного» и «Сына Его» Иисуса Христа.

Надо специально сказать, что факт существования разнообразных по форме организации и по властным структурам государств, а также течений и направлений

в религиозных воззрениях народов, вполне закономерен и оправдан не только с точки зрения идеологии Нового Завета, но и Корана.

Так, если Новый Завет сам по себе уже явился революционной по своей сути «Вестью» для сознания иудейского народа, которому в течение почти полутора тысяч лет внушалось, что единственно истинным документом, данным от Бога на вечные времена, является Тора. То Коран, спустя всего шесть столетий после мессианской деятельности Иисуса, чётко возвещает всем народам мира, что каждый из них имеет свой собственный путь развития, предначертанный Богом: «Мы каждому из вас предначертали (свой) устав (для жизни) и дорогу (к свету)». Более того, Коран говорит что, если бы Бог пожелал, то создал бы всех людей «одним народом» с единым «вероуставом» (Сура 5: 48). Но Он создал великое многообразие народов с тем, чтобы испытать каждый народ на верность «в соблюдении того, что Он вам даровал» (Сура 5: 48). Поэтому, согласно Корану, никто не должен вступать в спор по поводу того, у кого обряд поклонения Богу правильнее, праведнее и лучше. Господу известно всё, и Он Сам решает, кто из людей и народов праведнее, а кто достоин наказания за неисполнение законов, ниспосланных свыше (Сура 5: 48).

История развития народов более чем убедительно показала, что каждый из них, действительно, выбирал и проходил свой путь к единобожию (иудаизму, христианству и исламу со всеми их течениями и направлениями), а также к обретению своей государственности.

Однако, то, что Иисус не предложил Своим последователям ни одного конкретного закона, а дал лишь общие мировоззренческие и идеологические установки организации жизнедеятельности, с точки зрения формирования устойчивых навыков законопослушания имело не только «позитивные», но и «негативные» последствия.

Так, в частности, с одной стороны, Новый Завет, действительно, стимулировал поиск людьми норм и правил своего общественного бытия и своей жизнедеятельности, тем самым продвигая их на новые ступени интеллектуально-ментального развития, включая научное осмысление мира. С другой стороны, Новый Завет подрывал веру в то, что Божьи «законы» носят вневременной, бессрочный характер со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями по отношению к самому понятию «закона», как незыблемого, неизменного, неприкасаемого явления, открытого Богом людям и данного им на вечные времена. С третьей стороны, при отсутствии «новозаветного законодательства» правовая жизнь языческих народов даже после принятия ими христианства должна была регулироваться традициями и нормами права, сохранившимися от язычества. Противоречия же между нормами языческого (так называемого «обычного права») и нормами христианской идеологии, и внедряемой ею морали и нравственности, были настолько велики, что закономерно порождали негативное отношение к тем законам, по которым вынужденно производилось судопроизводство.

Поэтому в сознании христианских народов не могла не сформироваться позиция, что нормы «закона» и нормы «справедливости», основанные на «нравственности и

морали» Иисуса Христа, могут не совпадать между собой. Более того, возникло устойчивое мнение, что возможны совершенно разные подходы к решению судебных споров: одно дело судить по «закону», другое – по «правде Божьей», и, следовательно, по совести и истинной справедливости.

Достаточно привести в качестве примера правовую систему, действовавшую в Англии с 14 века, где параллельно с так называемым «общим правом» существовало и «право справедливости», при котором граждане, недовольные судебным решением, обращались к королю с просьбой «о милости и справедливости». [2] Ибо король, будучи хранителем и гарантом истинных христианских духовных ценностей, должен был судить в соответствии с требованиями заповедей Иисуса Христа. На гербе английских королей и сегодня можно прочесть: «Мой Бог и моё право».

Нечто подобное существовало и в истории России в конце 18 века. В частности, суд, которым лично ведала императрица Екатерина II, назывался «Совестливым». [3]

Естественно, подобного, мягко выражаясь, «двойственного» отношения к закону и к судебным решениям, которые вне зависимости от внутреннего убеждения и душевного противления необходимо было соблюдать и исполнять, не могло существовать ни в «иудаизме», ни в исламе. Ибо законодательные акты в них были ниспосланы Самим Богом и чётко изложены в Писаниях (Торе и Коране).

Другое дело – толкование законов Торы и Корана, потребность в которых не могла не возникать в новых исторических условиях. Здесь закономерно появлялись самые различные, иногда и прямо противоположные мнения по применению и исполнению ниспосланных свыше законов. Но от этого страдал не авторитет самого закона, а авторитет толкователя, которого всегда можно было обвинить в неправильном или преднамеренно ложном истолковании ниспосланного Богом закона.

Ярчайшим примером, мягко выражаясь, снисходительного отношения в христианстве к закону вообще и (даже!) к «закону Моисея», в частности, можно назвать слова апостола Павла, обращённые к соплеменникам в Риме: «Когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти; но ныне, **умерши для закона**, которым были связаны, **мы освободились от него**, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а **не ветхой букве**» (выделено автором) (Рим. 7:5,6)

Напомним, Павел в данном случае писал не о «законе» языческом, а о «законе Моисеевом», который к моменту мессианской деятельности Иисуса настолько устарел, что приводил не только к массовому его нарушению, но и к бесчисленному толкованию отдельных его частей. По вполне понятным причинам, главным для Павла, как проповедника христианства, было внедрение в сознание масс той идеологии, которую проповедовал Иисус: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» (Мф. 5:38-40). Поэтому Павел при-

зывал паству руководствоваться не законами Торы, предписывающими «жизнь за жизнь, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу» (Дварим 19 Шофтим; 21), а духом Нового Завета, оставив месть Богу: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, – говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его; ибо, делая сие, ты соберёшь ему на голову горящие уголья. Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:19-21).

Естественно, вышесказанное отношение к «закону» не могло не сказаться и на сознании древнерусского народа, принявшего в 998 году христианство. Хотя под угрозой смертной казни было категорически запрещено поклоняться языческим богам, тем не менее, все судебные тяжбы из-за отсутствия в книгах «Нового Завета» конкретных законодательных актов проводились по нормам и правилам так называемой «Русской Правды» (языческих норм, существовавших в устной или письменной форме на Руси).

Для наглядности приведём некоторые статьи «Русской Правды», действовавшей на протяжении нескольких столетий после принятия христианства: «1. Убьёт муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то сорок гривен за убитого. 2. Если кто будет избит до крови и

синяков, то ему не надо искать свидетеля, а если же не будет на нём никаких следов (побоев), то пусть приведёт свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец. Если (потерпевший) не может отомстить за себя, то пусть возьмёт с виновного за обиду 3 гривны и платы лекарю». [4]

Из приведённого закона «Русской правды» ясно видно, что он более соответствует нормам и установлениям Ветхого Завета, чем Завета Нового.

В этих условиях вполне закономерно можно назвать появление на свет проповеди первого митрополита из людей русских Иллариона «О законе и благодати», оказавшего колоссальное влияние на отношение к «закону» русскоязычной паствы.

Достаточно привести начальные слова проповеди Иллариона, чтобы убедиться: «закон» и «благодать», не только с точки зрения апостола Павла, но и главного духовного наставника русского народа, – это совершенно разные и несравнимые по своей важности для христианина явления.

Вчитаемся в установку, которую дал Илларион в начале своей проповеди: «О законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом; и о том, как **закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю**, и вера распространилась во всех народах, вплоть до нашего народа русского; и похвала великому князю нашему Владимиру, коим были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей» (выделено автором). [5]

Приведём ещё несколько высказываний Иллариона из названной проповеди: «Прежде <дан был> закон, затем же благодать, прежде – тень, затем же – истина. Прообраз же закона и благодати – Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра, прежде – рабыня, а потом – свободная, – да разумеет читающий!... Закон ведь и прежде был и несколько возвысился, но миновал. А вера христианская, явившаяся последней, стала большей первого и распространилась во множестве народов». [5]

Более чем наглядного противопоставления закона «благодати Божьей» существовать не может. Если уж закон Моисея, который был дан Самим Богом, «миновал», то, как надлежало относиться к закону языческому, в соответствии с которым производился суд в среде народа!?

Разумеется, в одночасье разработать принципиально новую законодательную систему и внедрить её в судебную практику ни у правителей государства, ни у духовных наставников народа не было ни сил, ни возможностей. Их основной задачей было внедрить мировосприятие, данное Христом, в жизнь и быт людей с тем, чтобы они жили «по заповедям Божьим» и обрели путь к спасению своих душ для жизни вечной на небесах, тем более, что Сам Мессия нацеливал людей на то, чтобы они искали, прежде всего, «Царствия Божия и правды Его», ибо только в этом случае всё действительно важное для жизни человека само «приложиться» к нему (Мф. 6:33).

С другой стороны, позволил ли бы православный человек иметь уважительное отношение к тем языческим нормам, по которым производился суд, и, следовательно, к самому правосудию? Отвечать на эти вопросы, мы уве-

рены, нет нужды, как и разъяснять то, почему «неправедно» осуждённому оставалось уповать только на «суд Божий», который рано или поздно воздаст каждому по заслугам.

Разумеется, теоретически на Руси граждане могли обращаться к царю с прошением о «милости и справедливости». Почему теоретически, а не практически? Да потому, что основная масса населения государства, начиная с 29 января 1649 года, попав в полную крепостную зависимость от помещиков-землевладельцев, да к тому же будучи неграмотной, могла обращаться с «челобитной» к царю-батюшке только теоретически. Поэтому-то люди, «обиженные» судебным произволом, в зависимости от своей сословной принадлежности, «духовности», наклонностей и пр., или удалялись в монастыри в поисках «Божьей правды и благодати», или ударились в бега, или поднимались на бунт «бессмысленный и беспощадный».

Вышеназванная причина низкого правосознания наших граждан, хотя и является весьма существенной, но, к сожалению, она далеко не единственная. В числе прочих причин можно, например, назвать также то, что законодательные акты в сознании единого по происхождению и языку народа в силу его многовековой феодальной раздробленности соотносились, во-первых, сугубо с тем «уделом», где они появились на свет, и, во-вторых, связывались с именем того правителя, при котором они вводились. Недостатка же в вольных или невольных реформаторах-законодателях, стоящих во главе государственных образований, особенно в период удельного княжения в 12–16 веках на Руси, как известно, не было. Тем более что удельные князья имели не только собственное войнство и чеканили собственные монеты, но и создавали для своей вотчины собственные суды, со своими нормами и правилами судопроизводства. [4]

Названные факты, кстати сказать, нашли своё закономерное отражение как в языковом оформлении издаваемых в тот период законодательных актов, так и в понятийной системе русского языка. В частности, понятие о «законе», как о постановлении верховной государственной власти, в русском языке складывается только в эпоху Московского самодержавия. В письменных же источниках предыдущих эпох постановления верховной власти именуется «уставами» и «правдою». [6]

Чтобы подтвердить вышесказанное, обратимся к широко известным историческим фактам, которые ясно показывают, что законодательные акты на Руси, как и во всех прочих христианских государствах, не ниспосылались «свыше», а разрабатывались и внедрялись самими людьми.

Так, первым письменно зафиксированным документом русского права, который датируется 1015 годом, принято считать «Правду Ярослава». В создании этого документа участвовали Ярослав Мудрый и вышеупомянутый митрополит Илларион. В нём определялось, что входит в судебную компетенцию князя, а что митрополита. Этот документ, который сохранился в двух списках Новгородской летописи 1016 года и в одиннадцати списках 11–17 веков, являлся рабочим вплоть до 16 века. Именно он служил

основным руководством для судебных разбирательств и стал важнейшим источником для позднейших судебных «грамот». В частности, «Псковской судной грамоты», сохранившейся в 2 списках 16 века, «Новгородской судной грамоте» (1385 г.), «Двинской уставной грамоты» (14 век), «Белозёрской уставной грамоты» (1488 г.), Судебника Казимира (1468 г.), Судебников 1497 и 1550 гг. Из него были заимствованы некоторые статьи даже Соборного уложения 1649 г.

Правом же законодательной инициативы обладали, как великие князья, издававшие «жалованные, указные и духовные грамоты», так и удельные князья, имевшие свои суды. В более поздние эпохи этим правом обладали цари, Боярские думы и Земские соборы, издававшие свои «приговоры». [4]

Естественно, что предводители Золотой орды издавали собственные юридические акты. Таковой является, например, «Ханская грамота», которая предоставляла полномочия на «великое княжение». Первую такую грамоту («ярлык») получил Ярослав Всеволодович – отец Александра Невского.

Весьма показательным можно назвать также то, что в 15–16 веках на Руси самой распространённой и преобладающей формой правового акта, позволяющим приобрести вещные права, являлся устный Договор. Лишь с введением так называемых «Писцовых книг», устная форма Договора начинает уступать место письменной. Именно с конца 16 века «Писцовая книга» позволяла государству контролировать соблюдение правовых норм.

Первым опытом кодификации общерусских правовых норм принято считать «Судебник» 1497 года. Источниками для него послужили как новые статьи, отражающие веление нового времени, так и законы «Русской Правды» (взято 25 статей), «Псковской судной грамоты» (10 статей), Уставных грамот (10 статей).

В 1547 году Иван Грозный создаёт новый «Судебник», который был принят при участии Боярской думы и утверждён в 1551 году Стоглавым Собором. На этом же Соборе было принято Судебное уложение «Стоглав», в котором были расписаны взаимоотношения светских и церковных властей. Русское государство было определено как православное самодержавие.

В середине 1648 года земство обращается к молодому царю Алексею Михайловичу, второму из рода Романовых, с просьбой о новом судебном и законодательном уложении. Вскоре после известного Соляного бунта по поручению царя оно было разработано и утверждено 29 января 1649 года на Земском Соборе. Это Уложение действовало вплоть до Петровской эпохи.

Государственные реформы Петра I хорошо известны. Модель единовластия, о которой солидарно говорят все три Писания, в полной мере воплотилась на Руси именно в эпоху царствования Петра Великого, который, сосредоточив в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти, попытался выстроить систему жёсткого централизованного управления всем государством. Поэтому отнюдь не случайно судебная реформа, принятая Петром в 1719 году, во многом была схожа с ранее принятым «Артикулом Воинским», который в силу своей специфики полностью строился на принципах еди-

новластия и авторитаризма. В частности, с приложенным к нему «Кратким изображением процессов и судебных тяжб» (1716 г.).

Вполне закономерно также то, что деятельность Церкви, как организации, призванной формировать и блюсти мировоззрение граждан, Пётр полностью подчинил государственным интересам. Упразднив патриаршество, он учредил Духовную коллегию, которая затем была переименована в Святейший Синод. Все члены Синода не только назначались Петром, но и при вступлении в должность приносили именно ему присягу на верность. В то же время, в интересах развития межгосударственных отношений Пётр предписал более терпимое отношение к различным религиозным организациям. В частности, он предоставил иностранцам, решившим поселиться в России, свободу вероисповедания и позволил регистрировать браки между носителями разных религий, и отменил действие так называемых «12 статей», введённых Софьей, которые требовали от старообрядцев под угрозой сожжения на костре отречься от «раскола». Однако Пётр, как известно, не посягнул на церковно-монастырские владения. Их секуляризация произошла позже в эпоху царствования Екатерины II.

Административные и судебные реформы, проведённые Екатериной II в 1775 году вскоре после Пугачёвского восстания («бунта»), продолжали основываться на чёткой иерархии властных и судебных структур. Каждой судебной единице отводилось решение дел в строгом соответствии с сословной принадлежностью гражданина страны. При этом каждый из судов имел две инстанции. Для дворянства – уездный суд и земский суд. Для купечества – губернский магистрат и выборный магистрат. Для государственных крестьян были учреждены верхняя и нижняя «расправы». Вершителем же судьбы весьма значительной части населения государства, которая находилась в крепостнической зависимости, как известно, был помещик («барин»).

Сенат, полностью подконтрольный Екатерине II, курировал дела не только уголовных судебных палат губерний, но и гражданских, так же, как губернатор, назначаемый императрицей и полностью подчинявшийся её воле, утверждал все судебные решения в своей губернии.

При императрице существовал и вышеупомянутый «Совестливый суд», в котором единоличное решение принимала она сама. [3]

Как известно, внедрённая Екатериной II правовая система продолжала действовать и после завершения в 1832 году под руководством М.М. Сперанского грандиозного по своей исторической значимости юридического труда – «Свода законов Российской Империи».

Александр II, утверждая 20 ноября 1864 года новые Судебные Уставы, разработанные специально созданной в 1861 году по его поручению комиссией, произнёс весьма знаменательные слова, которые не менее актуально звучат и в наши дни. Вчитаемся в них: «Рассмотрев сие проекты, мы находим, что они вполне **соответствуют желанию Нашему** водворить в России суд скорый, милостивый и равный для всех подданных наших, **возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность** и вообще **утвердить в народе нашем уважение к**

закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого от высшего до нижнего» (выделено автором). [7]

Не останавливаясь далее на Декретах, принятых Временным правительством России в феврале 1917 года, и на правовой системе, действовавшей после Великой Октябрьской Социалистической Революции, отметим лишь следующее. Нашим современникам, пережившим два десятилетия назад распад Советской социалистической системы, вполне понятна и близка тяжелейшая не столько правовая, сколько ментальная ситуация, которая возникла сразу же после Октябрьской Революции. Ибо и тогда внушительной части населения страны пришлось круто менять и своё мировосприятие, и своё отношение к существующим законам. Причём надо учитывать то, что в начале прошлого века решающее влияние на формирование и становление личности оказывали не система народного образования, не средства массовой информации, включая интернет, а, прежде всего, семья с её многовековыми патриархальными устоями и традициями. Менять же мировосприятие основной массы населения было тем сложнее, что после реформы 1861 года, отменившей крепостное право, прошло всего лишь пятьдесят шесть лет, и ещё живы были люди, родившиеся в принципиально иную ментальную и правовую, точнее сказать, бесправную, эпоху.

Надо ли удивляться тому, что судьбоносные события октября 1917 года и ноября 1993 года были совершены отнюдь не в рамках правового поля государства. Как известно, Конституционный суд России в своё время дал надлежащую правовую оценку, надеемся, последнему государственному перевороту в нашей стране.

Каким образом сказался на правовом сознании наших современников расстрел 4 ноября 1993 года высшего законодательного органа страны, транслируемый по всем канал телевидения, разъяснений не требует.

Не секрет, что именно специфика исторически сложившейся ментальности граждан нашей страны не могла не породить культ личности главы государства в нашем недалёком прошлом. Ибо, как хорошо известно, не деспоты и тираны навязывают свой режим, а ментальный уровень основной массы населения принуждает лиц, получивших власть, управлять страной именно авторитарным, а не демократическим способом. Отсюда ностальгия по сильному справедливому «хозяину» и провал практически всех «благих намерений» отечественных демократов и их закономерное перерождение на государственных постах в откровенных коррупционеров и казнокрадов.

Именно от вышеназванных причин проистекает, с одной стороны, сила и влияние главы государства и его административного аппарата на все сферы нашей сегодняшней жизни, включая судопроизводство, с другой стороны, его ответственность перед страной и народом.

Кстати сказать, именно специфика нашей ментальности принуждает, например, в массовом порядке обращаться с письмами в поисках «правды и справедливости» непосредственно к главе государства, в обход судебных и прочих государственных инстанций.

Итак, как ясно видно из небольшого исторического экскурса, не только законодательная инициатива на Руси, как и во всём остальном христианском мире, исходила от людей, в частности, от её руководителей, но и законотворчество осуществлялось людьми же, так же, как и формы судопроизводства определялись ими же.

Более того, граждан единого государства вплоть до середины 19 века в России судили не только по разным законам, но и в разных специализированных (сословных) судах. А основная масса населения менее ста пятидесяти лет назад, находясь в полной зависимости от воли своего барина, могла связывать свои надежды на справедливость только с Богом, Который всё видит, всё знает и каждому, в конечном итоге, воздаст по заслугам.

Разумеется, своеобразие нашей ментальности и её самобытность объясняется не только вышеназванными причинами, но и многовековым укладом нашей жизни. В частности, той социально-экономической формацией, в которой вплоть до начала двадцатого века протекала жизнь подавляющего большинства граждан России. Ибо не секрет, что не феодальная, а именно капиталистическая формация, которая в своё время так и смогла укорениться в нашей стране, несравнимо более интенсифицирует не только производительные силы государства, но и жёстко регламентирует производственные отношения с соответствующим правовым обеспечением жизнедеятельности всего общества.

Можно назвать и некоторые другие причины, оказавшие влияние на своеобразие ментальности наших граждан, и косвенно на наше правосознание, как, например, геополитические, географические, природные и климатические условия обитания, которые предопределили специфику наших традиций, обычаев, образного мышления и т. д. Ибо не секрет, что при всём единстве духовных основ даже православных народов и схожести социально-экономических условий их жизнедеятельности, тем не менее, каждый из них ментально своеобразен и неповторим, так же, как, впрочем, отличаются друг от друга и народы, произошедшие из лона Киевской Руси. В частности, белорусы, русские и украинцы.

Таким образом, своеобразная «раздвоенность» правового сознания большинства граждан нашей страны, с одной стороны, с откровенным недоверием относящихся к существующим законам, суду и судопроизводству; с другой стороны, уповающих на «Высшего Судию» и Его «правду», является закономерным порождением нашей истории.

Надо ли говорить о том, что без учёта специфики нашей ментальности любые государственные, в частности, правовые реформы, обречены на неминуемый провал.

Однако ещё раз специально подчеркнём, что при всём своём, на первый взгляд, именно на первый взгляд, «негативном» влиянии христианства на правовое сознание граждан, тем не менее, именно вероучение Иисуса Христа способствовало интенсивному развитию мыслительных качеств людей, направляя их сознание на самостоятельный поиск законов и закономерностей, как в своей социальной жизни, так и в окружающем мире. Отсюда широчайшее проявление именно в «христианском мире» научного взгляда на жизнь. Отсюда

высочайшие научные и технологические достижения «христианского мира» практически во всех сферах жизни. Отсюда, так называемая, промышленная, а затем и научно-техническая революции, а следом, и интенсивное раскрепощение (эмансипация) женщин и многое другое, что предопределяет поступательное развитие человечества. Не отвлекаясь на эту чрезвычайно интересную тему, которая раскрыта во многих других наших публикациях, скажем лишь, что именно отсутствие конкретных законов в Новом Завете Иисуса Христа способствовало продвижению человечества по тому стратегическому пути интеллектуально-ментального развития, о котором солидарно говорят Тора, Новый Завет и Коран. [8]

Не станет отвлекаться и на такую не менее интересную, но также самостоятельную тему, как сравнение уровня законопослушания разных народов и в разных государствах мира в зависимости от их конфессиональной и этнической принадлежности, от географических и природно-климатических условий проживания, а также от уровня их социально-экономического развития.

Скажем лишь, что вероучение Иисуса Христа, которое не содержало конкретных законодательных актов, отнюдь не случайно начало своё распространение именно с европейских народов (коренных и пришлых). Ибо за плечами этих народов была правовая культура Великого Рима, были величайшие философские школы древних греков, которые через известный промежуток времени закономерно вызвали к жизни то величайшее явление, которое принято называть Эпохой Возрождения.

Напомним лишь хорошо известный исторический факт. На обломках Великой Римской Империи возникло и уходило в небытие великое множество больших и малых государств, которые наследовали и адаптировали не только традиции, обычаи, но и материальную и духовную культуру своих «властителей». Достаточно вспомнить, что основой права, например, Византии служил Корпус Юстиниана, который, как принято считать, явился итоговым достижением римской правовой мысли. Не секрет, что византийское право стало проникать вместе с православием и в славянские страны. На Руси многие из правовых текстов бывшей великой империи начали появляться с 11 века. [3]

Мы, конечно, не забыли, что первой страной, принявшей христианство в качестве государственной религии, была Армения. Но, как известно, и она в тот исторический период находилась в теснейшем контакте с Римской Империей.

Сегодня государственная власть России, вынужденная следовать мировым интеграционным процессам, из-за крайне низкого правосознания граждан страны оказалась в чрезвычайно трудном положении.

Возврат к авторитарной системе управления и попытка самоизоляции в виде очередного «железного занавеса» в наше время абсолютно невозможны и нереальны. Ждать пока с течением времени неудержимые мировые интеграционные процессы и активно развивающееся международное право заставят людей стать законопослушными, так же бессмысленно, как и при

современном ментальном состоянии нашего общества проводить реформы правоохранительных органов и судов. Рассчитывать на «совестливость» наших людей также нельзя, ибо основная масса населения страны воспитана в атеистическом духе, в том числе и та, которая относит себя к «миру мусульманскому», и не имеет сдерживающего фактора в виде неминуемой «Божьей кары» за отсутствие «справедности», как это было, например, столетие назад. «Правовой беспредел» в «мусульманском» Дагестане более чем показателен.

Хотя ответ на наш извечный вопрос, «что делать?», требует специального рассмотрения и не входит в задачи данной статьи, тем не менее, совершенно ясно, что с учётом ментальной специфики наших граждан именно руководителям государства необходимо безотлагательно мобилизовать все силы и возможности административного аппарата и общественного потенциала на формирование правосознания наших людей. Повторимся, инициатива правового воспитания (не просвещения, а именно воспитания) должна исходить именно сверху и вестись под жёстким диктатом и контролем главы государства.

Располагает ли наша страна достаточным интеллектуальным потенциалом, чтобы, мобилизовав его, внедрить в сознание масс мысль, что законы государства так же важны для жизнедеятельности каждого и всех, как и законы точных и гуманитарных наук, основы которых преподаются и изучаются в системе народного образования страны? Разумеется, да!

Мы абсолютно уверены также в том, что для решения этой актуальнейшей, и, без преувеличения, судьбоносной идеологической задачи, смогут объединиться все партии и общественные организации страны, включая религиозные. Ибо призыв «Все на ликвидацию правовой безграмотности» сегодня также актуален, как лозунг «Все на защиту отечества», появившийся в критические моменты существования нашего государства!

Литература

- ¹ Оганесян С.С. Последовательная передача законодательной инициативы и законотворчества от Бога к человеку // «Представительная власть XXI век», № 2,3. 2011; С.С. Оганесян, О.А. Фарре-Трензелева // «Пространство и время», № 1, 2; 2010.
- ² Большой юридический словарь / Под. ред. Сухарева А.Я., Зорькина В.Д., Крутских В.Е., – М., 199. – 789 с.
- ³ Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Т. II Законодательство периода укрепления русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский, М., 1984.
- ⁴ Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Т. I Законодательство Древней Руси / Отв. Ред. В.Л. Янин. М., 1984. 190 с.; М.Н. Тихомиров. Пособие по изучению Русской правды. М.: Изд. Московского университета, 1953. – С. 75-86.
- ⁵ М.Б. Свердлов. От Закона Русского к Русской Правде, М.: Юридическая литература, 1988 – 176 с.
- ⁶ <http://lib.Pushkinskijdom.ru/http://Krotov.info/acts/11/2/llarion.htm>;
- ⁷ Д.Я. Самохвасов. История русского права. М., 1906. – 135 с.
- ⁸ С. Пашин // «Отечественные записки», №2 (10) 2003 г., с. 27.
- ⁹ С.С. Оганесян, О.А. Фарре-Трензелева. Тора, Новый Завет и Коран – три Послания от Единого Бога. Отношение Корана к Торе и Новому Завету, к иудеям и христианам. М.: Гуманитарий, 2008, 189 с.
- ¹⁰ С.С. Оганесян. Существует ли жизнь после смерти? Сведения Торы, Библии и Корана о земной и вневременной жизни человека. Современный взгляд. М.: Гуманитарий, 2005. – 463 с.